

РАЗВИТИЕ – УСТОЙЧИВОЕ, ОТЧЕТЫ – УКЛОНЧИВЫЕ

Анализ содержания Добровольного национального обзора Российской Федерации

Евгений Пучков

АННОТАЦИЯ Цели устойчивого развития (далее – ЦУР), принятые Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 году, являются попыткой направления международных усилий в области развития в достижение определенных результатов в различных сферах, в том числе и в образовании – через соответствующую Цель 4 (далее – ЦУР 4). Несмотря на текущее движение России в сторону пересмотра принципов и параметров международной интеграции и кооперации в различных сферах, в том числе в образовании, повестка ЦУР в целом продолжает быть применимой. В связи с этим вопрос продвижения России к достижению ЦУР остается значимым, а анализ уже проделанной национальной работы предоставляет возможность оценить степень проникновения идей ЦУР на национальный уровень. Для этого проводится анализ Добровольного национального обзора России о достижении ЦУР в рамках международного мониторинга и сравнение целей упомянутых в нем мер образовательной политики с задачами ЦУР по образованию. Анализ показывает, что меры, упомянутые в рамках достижения ЦУР 4, не всегда соответствуют указанным задачам, а степень применения целостного подхода остается низкой, что ставит вопрос о фактическом соблюдении повестки ЦУР 4 в национальной образовательной политике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Цели устойчивого развития, ЦУР 4, Добровольные национальные обзоры, международная образовательная политика, устойчивое развитие в образовании.

DOI 10.22394/2078–838X-2022–2-28-34

Цели устойчивого развития (англ. Sustainable Development Goals, SDG), принятые Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 году, являются «дорожной картой» развития человечества до 2030 года. ЦУР являются не юридическим, а скорее морально-политическим обязательством стран и мирового сообщества. Образованию в ЦУР посвящена отдельная ЦУР 4 (англ. SDG 4), призванная обеспечить получение качественного образования. ЦУР в сфере образования представляют собой попытку международного управления его развитием (или общими трендами его развития). В связи с этим исследование взаимоотношений между международным и национальными уровнями образовательной политики через повестку ЦУР представляет особый интерес.

Дополнительную актуальность такому исследованию придает сложившаяся политическая ситуация, характеризующаяся разрывом международных связей с Россией в различных сферах, в том числе в образовании. Учитывая роль ЦУР как движимого ООН процесса, в который вовлечены все страны мира, вне зависимости

Евгений Вадимович ПУЧКОВ

аспирант, аналитик Лаборатории
образовательного права Института образования
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики». 101000, РФ, Москва,
Потаповский пер., 16, стр. 10.
E-mail: epuchkov@hse.ru

от их положения в международном сообществе, прекращение участия России в данном процессе со стороны ООН не стоит на повестке дня. Более того, терминология «устойчивого развития» продолжает фигурировать и в официальной деятельности государства – так, одно из поручений Президента от 11 апреля 2022 г. рекомендует высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации создать и лично возглавить

оперативные штабы по обеспечению **устойчивого** (выделено автором) социально-экономического развития регионов¹.

В это же время изучение отношения России к таким проектам международного формулирования образовательной политики и следования поставленным на международном уровне целям до сложившейся политической ситуации может дать информацию об избранном ранее подходе. Основным вопросом, которому посвящена данная статья, является наличие связи между теми мерами образовательной политики, каковые Россия включила в качестве доказательства достижения задач ЦУР 4, и самими задачами ЦУР 4. Наличие такой связи позволит сказать о том, что идеи и подходы образовательной политики, включенные в ЦУР, воспринимаются в России и в ней ведется планомерная работа по их достижению, в то время как отсутствие такой связи может говорить о том, что Российская Федерация и до текущего кризиса международных отношений не занималась значимой интеграцией своей образовательной политики в международную.

Обзоры и мониторинг

Исследования национальной политики достижения ЦУР в различных сферах становятся возможными благодаря Добровольным национальным обзорам – документам международного процесса мониторинга достижения ЦУР, посредством которых страны – члены ООН отчитываются о мерах, принятых для достижения Цели, и предоставляют соответствующую статистику. Эти обзоры описываются как краеугольный камень мониторинга и анализа процесса достижения ЦУР на национальном уровне [UN DESA, 2021]. Для страны данный отчет – это демонстрация мировому сообществу той работы, которую она провела в рамках достижения ЦУР, и во многом репутационный документ. Предполагается, что обзоры должны предоставляться не реже одного раза в пять лет. Россия предоставила свой первый обзор в 2020 г. [Аналитический центр при Правительстве РФ, 2020], и в нем не полностью отражены факторы влияния

пандемии COVID-19 на достижение ЦУР, хотя соответствующий раздел и присутствует в начале обзора, на с. 29–35.

Использование данных обзоров для исследования и анализа достижений процессов ЦУР часто встречается в литературе. Так, одно из исследований использовало текстовый анализ 18 обзоров с целью изучения приоритизации тех или иных Целей в рамках национальных политик. В результате этого анализа исследователям удалось обнаружить наличие различных трендов в приоритизации ЦУР среди стран с разным уровнем экономического развития. По мнению исследователей, такая ситуация приводит к выборочной имплементации ЦУР на уровне стран, что противоречит их декларируемой взаимосвязанной природе [Forestier & Kim, 2020]. Исследования, посвященные анализу обзоров, можно встретить в различных сферах: в медицине [Bickler, Morton, & Menne, 2020], в гендерном равенстве [Oda, 2019], в отражении концепции «не оставлять никого позади» (англ. *leave no one behind*) [Sarwar & Nicolai, 2018] и в образовании [Smith, 2021].

Структура обзоров задается самой структурой ЦУР – каждая из Целей состоит из нескольких задач, а те, в свою очередь, состоят из нескольких индикаторов, являющихся объектами мониторинга. Задачи и индикаторы постоянно пересматриваются – так, последняя ревизия от марта 2022 г. содержит 11 задач и 32 индикатора [UNESCO IfS, 2022], при этом российский обзор оперирует более ранней версией, существовавшей на тот момент – из 10 задач и 31 индикатора. Декларируется, что взаимосвязанность Целей между собой требует достижения всех Целей, всех задач и всех индикаторов, хотя текущие исследования не подтверждают приверженности мирового сообщества этой концепции. Упор делается на т. н. «основные» индикаторы, то есть на один-два индикатора из общего количества в задаче, являющиеся реальными объектами международного мониторинга. Исследователи связывают это с давлением со стороны развивающихся стран, которые не в состоянии собирать и обрабатывать информацию по всем индикаторам [King, 2017].

Анализ российского обзора в сфере образования демонстрирует, что работа по достижению ЦУР 4 в России ведется лишь выборочно, а степень детальности описания принимаемых мер сильно варьируется от задачи к задаче.

¹ П. 8 Перечня поручений по итогам совещания о мерах социально-экономической поддержки регионов (утв. Президентом РФ 10.04.2022, № Пр-622). <http://kremlin.ru/catalog/keywords/128/events/68175>.

Всего в части обзора, посвященной ЦУР 4, упоминаются 35 мер, которые, по мнению государства, способствуют ее достижению. Распределение этих мер по задачам в рамках ЦУР 4 представлено на рис. 1 ниже.

Меры и примеры

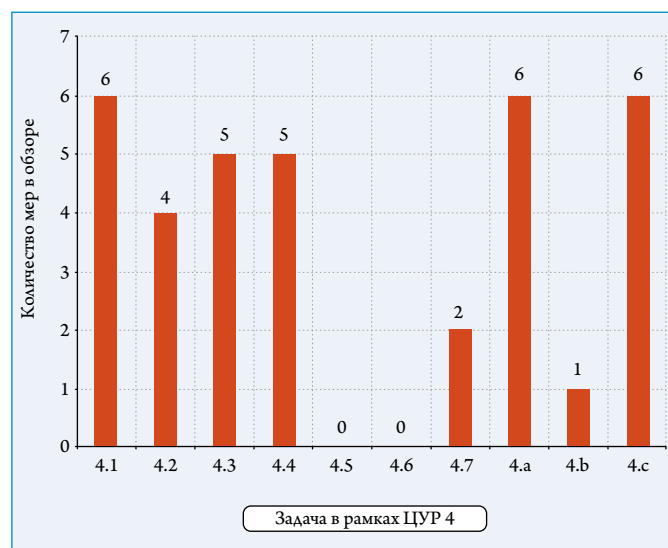
В рамках шести из десяти задач можно обнаружить меры, напрямую способствующие достижению поставленных ЦУР задач. При этом даже в этих задачах меры зачастую представлены выборочно по сравнению с существующими в стране программами и ограничиваются принятыми законами или программами, а не результатами (или планируемыми результатами) их имплементации.

Наилучшим примером здесь является задача, посвященная обеспечению доступа к системе дошкольного образования (с. 67–68 Обзора). Как известно, вопрос недостатка мест в детских садах и других учреждениях дошкольного образования достаточно остро стоит на национальной повестке дня – поэтому не удивительно, что национальные меры тут сходятся с задачами ЦУР. При этом описание принимаемых мер по увеличению числа мест является достаточно общим и не включает в себя меры по увеличению числа бюджетных мест в дошкольных учреждениях, фокусируясь на мерах по поддержке негосударственного сектора или вариативных формах. Создается впечатление, что государство, воспринимая обзор как репутационный документ, просто не хочет признаваться в существующих проблемах, что согласуется со сравнительными выводами из других анализов обзоров [Beisheim, 2018].

Более логичным выглядит представление состояния дел в сфере обеспечения доступа к высшему и среднему профессиональному образованию – описанная в разделе логика работы системы бюджетного приема в вузы в целом говорит о том, что она соответствует поставленной ЦУР 4 задаче в данной сфере. Однако данная мера не является инновационной, а отражает уже сложившееся положение дел, тогда как лучше бы были приняты меры по расширению числа бюджетных мест. Также полностью отсутствует информация о положении дел в секторе СПО (с. 68–69 Обзора).

Еще одним, в целом позитивным примером можно считать представление достижения задачи, связанной с увеличением числа квалифицированных учителей (задача 4.с). Представленные меры (с. 72–73 Обзора), в первую очередь в рамках проекта «Учитель будущего» национального проекта «Образование», посвященные формированию и введению системы учительского роста,

Рисунок 1. Распределение количества упомянутых в добровольном национальном обзоре мер по задачам ЦУР 4

в целом соответствуют поставленным индикаторам. Также им соответствует и задача увеличения заработной платы учителей, зафиксированная еще в «майских указах» 2012 г. Достаточно подробно описываются и меры в рамках инклюзивного образования, по совершенствованию учебных заведений для учета интересов всех групп детей (задача 4.a, с. 70–71 Обзора).

Среди основных проблем, которые можно выявить в представлении прогресса по различным задачам, отмечаются отсутствие государственных мер, позволяющих приблизить Россию к достижению ЦУР в отдельных задачах, ссылки на меры, которые не соотносятся с основной задачей в рамках ЦУР, и выпадение задач целиком из текста обзора. Встречаются и случаи, когда упомянутые меры не являются мерами образовательной политики в принципе.

В первую очередь внимание на себя обращает полное отсутствие упоминания в отчете двух задач, посвященных ликвидации гендерного неравенства и повышению доступа к образованию уязвимых групп населения, включая инвалидов,

представителей коренных народов и детей, находящихся в трудной социально-экономической ситуации (задача 4.5), и обеспечению всеобщей письменной и математической грамотности (задача 4.6).

Сам факт отсутствия упоминания этих целей по своей сути противоречит холистической природе ЦУР – считается, что ни одной Цели нельзя достичь без достижения другой, а самой Цели нельзя достичь без достижения задач в рамках этой Цели. Однако, если судить по результатам ранее проведенных сравнительных исследований, отсутствие тех или иных задач в рамках обзора является обычной практикой – так, в том же сравнительном анализе лишь одна страна предоставила информацию по 9 задачам из 10 [Smith, 2021, p. 973–974]. В связи с этим степень полноты российского обзора представляется в сравнительном контексте достаточно полной, но отсутствие информации по задачам 4.5 и 4.6 не согласуется с имеющимися сравнительными исследованиями. Эти задачи реже пропускаются в обзорах других стран, более того, представляется, что Россия вполне могла предоставить соответствующую статистическую информацию и описать меры, подтверждающие ведение работы по данному вопросу.

Говоря о выявляемом отсутствии мер образовательной политики, позволяющих приблизить Россию к достижению ЦУР, стоит обратить внимание на решение такой задачи, как обеспечение получения начального и среднего образования. В рамки данной задачи включены индикаторы, которые предполагают, что меры государственной политики в данной сфере будут направлены на увеличение процента обучающихся, успешно заканчивающих соответствующие уровни образования (начальный, средний общий, средний полный), и уменьшение количества детей, не получающих образования, и детей, остающихся на второй год. Образовательные результаты в рамках данной цели измеряются через достижение минимального уровня письменной и математической грамотности на разных уровнях

образования (середина начального образования, конец начального образования и конец среднего общего образования).

В это же время в соответствующем разделе отчета (с. 66–67 Обзора) в деталях описана национальная система выявления и поддержки одаренных детей (4 меры из 6, включая систему олимпиад, построение современной системы дополнительного образования детей и деятельность центра «Сириус»). Эта система не имеет прямой связи с целями увеличения охвата и доступа к образованию и направлена на ту часть контингента, которая не испытывает проблем с доступом к основному образованию, а, наоборот, охвачена образованием более полно, чем большинство обучающихся. Прочие упомянутые меры также имеют к задаче лишь опосредованное отношение:

сертификаты на получение дополнительного образования хотя и повышают охват, но делают это не на том уровне образования, который упомянут в задаче, а внедрение цифровых дневников и журналов улучшает администрирование образования, но не его охват.

Недостаток соотношения упомянутых мер и задач наиболее ярко проявляется в задаче, посвященной совершенствованию учебных заведений для учета интересов всех групп детей (задача 4.а). Кроме упоминаемых в тексте мер по обеспечению инклюзивного образования, которые данной задаче соответствуют, большое внимание также уделено мерам по поддержке образования коренных и малочисленных народов, включая изучение родных языков, а также вопросам обучения иностранных граждан, лиц без гражданства и детей мигрантов. Однако данные меры не соотносятся с индикаторами задачи и, следовательно, не способствуют ее достижению. Более того, эти меры находятся гораздо ближе к индикаторам задачи, посвященной обеспечению равного доступа к образованию для лиц в уязвимом положении (задача 4.5), с прямым упоминанием в ней как коренного населения, так и лиц с ОВЗ.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦУР В ОБРАЗОВАНИИ В РОССИИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ДНО 2020 Г. ГОВОРИТ СКОРЕЕ ОБ ОТСУТСТВИИ ВЛИЯНИЯ ЗАДАЧ ЦУР НА ФОРМУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Представляется, что и часть мер, посвященных обучающимся с ОВЗ, могла быть перенесена в соответствующий (и отсутствующий в обзоре) раздел, или могли быть предоставлены соответствующие отсылки к другим разделам. Это может говорить о том, что авторы обзора уделяли мало внимания уже заложенной в идею ЦУР взаимосвязанности Целей и задач между собой.

Отсутствие государственных мер выявляется, например, в случае с задачей, посвященной получению знаний и навыков, необходимых для содействия устойчивому развитию. Индикаторы данной цели предполагают, что релевантными мерами здесь являются создание или обновление соответствующих стандартов и образовательных программ с целью включения в них тем, связанных с устойчивым развитием, правами человека и гендерным равенством.

Инициативы и ожидания

Российская часть отчета дает представление о том, что данный вопрос в принципе не входит в сферу национальных интересов страны. Адекватными мерами здесь могли бы выглядеть действия по обновлению содержания образования, с обновлением или включением релевантных тематических блоков. Соответствующий раздел обзора (с. 70), напротив, полностью посвящен описанию инициатив, связанных с персональным лидерством в сфере ЦУР (программы «Школьные лидеры ЦУР», «Университетские лидеры ЦУР», «Молодежные посланники ЦУР»). Все эти программы реализуются не государством, а гражданским обществом при определенном государственном содействии. По сути, необходимые в данной цели государственные меры подменяются в официальном обзоре отдельными точечными проектами, не позволяющими говорить о всеобъемлющем обеспечении получения обучающимися соответствующих знаний и навыков. Более того, релевантные меры описаны в разделах обзора, посвященных другим Целям, которые эту задачу дублируют (с. 152 и 163 Обзора). Отсутствие отсылок к данным разделам еще раз говорит о недостаточно полном восприятии взаимосвязанной природы ЦУР, заложенной в самих показателях, составителями обзора.

Исследователи отмечают, что политика управления через цели (англ. goal-based governance), имплементируемая на международном уровне через ЦУР, обладает большим потенциалом к синергии с аналогичными национальными и над-национальными политиками. Россия, обладающая разветвленной системой национальных целей и национальных проектов, содержащих в себе задачи, достижение которых должно обеспечить и достижение самих этих целей, теоретически, представляет собой одну из стран, где нахождение синергии между национальными и международными целями представляется более возможным, чем в странах, не обладающих такими политиками и программами в области развития [Kanie & Biermann, 2017].

В целом стоит отметить, что эти ожидания в определенной степени совпадают с тем, чем Россия отчитывается в рамках ДНО. Так, в обзоре упоминаются 22 меры, которые можно считать принятыми в контексте политики, основанной на целях, и других программных документов. В нем упомянуты меры, предусмотренные как «майскими указами» 2012 г. (повышение зарплат учителей, проект «5–100»), так и текущими национальными проектами (национальный проект «Образование» представлен мерами по развитию потенциала и поддержке учителей, а национальный проект «Демография» – мерами по расширению охвата дошкольного образования). Помимо этого, упоминаются меры в рамках различных отдельных программ, федеральных (в рамках работы по инклюзивному образованию упоминается программа «Доступная среда») и ведомственных (в рамках поддержки обучения языкам народов России – ведомственная целевая программа «Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому языку и языкам народов Российской Федерации»). При этом ни одна из данных мер не принималась – насколько можно судить из их общественного обсуждения, содержания целей и задач и сопроводительных документов, – с опорой на ЦУР или их упоминанием.

Заключение

Резюмируя представленный краткий анализ состояния достижения ЦУР в образовании

в России по результатам ДНО 2020 г., можно заключить, что российский кейс скорее говорит об отсутствии влияния задач ЦУР на формулирование государственной образовательной политики. Это подтверждается несколькими факторами. Задачи, которые не были актуализированы в национальной образовательной политике до 2015 г., не стали актуальными и вследствие принятия ЦУР. Следовательно, государством не предпринимались меры по их отражению в национальной образовательной политике – что особенно заметно на примере задач, подразумевающих включение тех или иных тем, связанных с устойчивым развитием, в образовательные программы или повышение уровня письменной и математической грамотности взрослого населения, – эти задачи в отчете просто обойдены вниманием. Меры, в какой-то степени синхронизированные с задачами ЦУР 4, на самом деле не вдохновлены ими, а обусловлены тем, что и ЦУР 4, и российская образовательная политика в этой сфере решают одинаковые задачи (увеличение престижа преподавания и качества подготовки преподавателей или решение проблем доступа к дошкольному образованию). Часть мер, упомянутых в отчете, также относятся к уже сложившимся сферам российской образовательной политики (бюджетный прием в вузы, квотный прием иностранцев). Несмотря на то, что какие-то изменения в этих сферах, возможно, приводят к улучшению индикаторов, сложно сказать, что они основываются в том числе на каких-либо обязательствах в рамках ЦУР. Также заметно отсутствие синергии как среди задач в ЦУР 4, так и среди Целей в рамках отчета, что проявляется в отсутствии отсылок на связанные между собой задачи, которые могли бы представить более полную картину процесса достижения ЦУР в России.

Стоит заметить, что и до сложившейся международно-политической ситуации, как видно из краткого обзора взаимосвязанности международной образовательной политики в ЦУР и национальной образовательной политики России, проникновение международных задач в национальную политику являлось достаточно слабым. Наполнение обзора в данном случае скорее велось по принципу подбора подходящих мер и проектов, принимаемых с опорой на национальные цели и задачи. Возможности

синергии национальных целей и политик с ЦУР в российском кейсе остаются слабо реализованными. Это поднимает вопрос об общем отношении к работе по их достижению в сфере образования в России, который является полем для дальнейших исследований.

Список источников

1. Аналитический центр при Правительстве РФ. (2020). *Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года*. https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf.
2. *Перечень поручений по итогам совещания о мерах социально-экономической поддержки регионов* (утв. Президентом РФ 10.04.2022, № Пр-622). <http://kremlin.ru/catalog/keywords/128/events/68175>.
3. Beisheim M. (2018). UN reforms for the 2030 agenda: Are the HLPF's working methods and practices "fit for purpose"? *SWP research paper*, 9. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik. https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2018RP09_bsh.pdf.
4. Bickler G., Morton S., Menne B. (2020). Health and sustainable development: an analysis of 20 European voluntary national reviews. *Public Health*, 180, 180–184.
5. Forestier O., Kim R. E. (2020). Cherry-picking the Sustainable Development Goals: Goal prioritization by national governments and implications for global governance. *Sustainable Development*, 28(5), 1269–1278.
6. Kanie N., Biermann F. (Eds.). (2017). *Governing through goals: Sustainable development goals as governance innovation*. MIT Press.
7. King K. (2017). Lost in translation? The challenge of translating the global education goal and targets into global indicators. *Compare*, 47(6), 801–817.
8. Oda Y. (2019). Mainstreaming gender perspectives in the sustainable development goals (SDGs): A study on selected 2017 voluntary national reviews (VNRs). *Journal of Asian Women's Studies*, 25, 1–13.
9. Sarwar M. B., Nicolai S. (2018). *What do analyses of Voluntary National Reviews for Sustainable Development Goals tell us about "leave no one behind"*. ODI: London, UK. <https://tec.alnap.org/system/files/content/resource/files/main/12270.pdf>.
10. Smith W. C. (2021). An Exploration of SDG 4 Coverage in Voluntary National Reviews. In: Zajda J. (eds). *Third International Handbook of Globalisation, Education and Policy Research*, 961–980. Springer, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-66003-1_55.
11. UN DESA. (2021). *Voluntary common reporting guidelines for voluntary national reviews at the High-level Political Forum on Sustainable Development (HLPF)*. https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/27171SG_Guidelines_2021.final.pdf.
12. UNESCO IfS. (2022). *Official List of SDG 4 Indicators – March 2022*. https://tcg.uis.unesco.org/wp-content/uploads/sites/4/2020/09/SDG4_indicator_list.pdf.

DEVELOPMENT IS STEADY, REPORTS ARE EVASIVE.

Analysis of the content of the Voluntary National Review of the Russian Federation

Evgeny Vladimirovich PUCHKOV

PhD Student, analyst of the Laboratory of Education Law, Institute of Education, HSE University,
16, b. 10, Potapovsky per., 101000, Moscow, Russian Federation. E-mail: epuchkov@hse.ru

ABSTRACT The Sustainable Development Goals (hereinafter referred to as SDGs), adopted by the UN General Assembly in 2015, are an attempt to direct international development efforts to achieve certain results in various fields, including education, through the corresponding Goal 4 (hereinafter referred to as SDG 4). Despite Russia's current movement towards revising the principles and parameters of international integration and cooperation in various fields, including education, the SDG agenda, as a whole, continues to be applicable. In this regard, the issue of Russia's progress towards achieving the SDGs remains significant, and the analysis of the national work already done provides an opportunity to assess the degree of penetration of the SDG ideas at the national level. For this purpose, the analysis of the Voluntary National Review of Russia on the achievement of the SDGs within the framework of international monitoring and comparison of the goals of the educational policy measures mentioned in it with the objectives of the SDGs on education is carried out. The analysis shows that the measures mentioned in the framework of achieving SDG 4 do not always correspond to these tasks, and the degree of application of a holistic approach remains low, which raises the question of actual compliance with the SDG 4 agenda in the national education policy.

KEYWORDS Sustainable Development Goals, SDG 4, Voluntary national reviews, international educational policy, sustainable development in education.

References

1. Analytical Center for the Government of the Russian Federation. (2020). *Voluntary National Review of the progress made in the implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development*. Retrieved from https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf. (In Russian), https://sdgs.un.org/sites/default/files/documents/26959VNR_2020_Russia_Report_English.pdf. (In English).
2. Beisheim M. (2018). UN reforms for the 2030 agenda: Are the HLPF's working methods and practices "fit for purpose"? *SWP research paper*, 9. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik. Retrieved from https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2018RP09_bsh.pdf.
3. Bickler G., Morton S., Menne B. (2020). Health and sustainable development: an analysis of 20 European voluntary national reviews. *Public Health*, 180, 180–184.
4. Forestier O., Kim R. E. (2020). Cherry-picking the Sustainable Development Goals: Goal prioritization by national governments and implications for global governance. *Sustainable Development*, 28(5), 1269–1278.
5. Kanie N., Biermann F. (Eds.). (2017). *Governing through goals: Sustainable development goals as governance innovation*. MIT Press.
6. King K. (2017). Lost in translation? The challenge of translating the global education goal and targets into global indicators. *Compare*, 47(6), 801–817.
7. List of instructions following the meeting on measures of socio-economic support for the regions (approved by the President of the Russian Federation of April 10, 2022, № Pr-622). Retrieved from <http://kremlin.ru/catalog/keywords/128/events/68175>. (In Russian).
8. Oda Y. (2019). Mainstreaming gender perspectives in the sustainable development goals (SDGs): A study on selected 2017 voluntary national reviews (VNRs). *Journal of Asian Women's Studies*, 25, 1–13.
9. Sarwar M. B., Nicolai S. (2018). *What do analyses of Voluntary National Reviews for Sustainable Development Goals tell us about "leave no one behind"*. ODI: London, UK. Retrieved from <https://tec.alnap.org/system/files/content/resource/files/main/12270.pdf>.
10. Smith W. C. (2021). An Exploration of SDG 4 Coverage in Voluntary National Reviews. B: Zajda, J. (eds). *Third International Handbook of Globalisation, Education and Policy Research*, 961–980. Springer, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-66003-1_55.
11. UN DESA. (2021). *Voluntary common reporting guidelines for voluntary national reviews at the High-level Political Forum on Sustainable Development (HLPF)*. Retrieved from https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/27171SG_Guidelines_2021.final.pdf.
12. UNESCO IfS. (2022). *Official List of SDG 4 Indicators – March 2022*. Retrieved from https://tcg.uis.unesco.org/wp-content/uploads/sites/4/2020/09/SDG4_indicator_list.pdf.

